

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-111-130
УДК 821.133.1

Научная статья

Личное и социальное в автобиографическом письме Анни Эрно

Ю.А. Косова¹, Е.Б. Пономаренко¹, Ж. Сиари²

¹Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

²Университет Поля Валери, Монпелье III
Французская Республика, 34199, Cedex 5, Монпелье, Рут де Манд

В статье изучаются художественно-мировоззренческие особенности автобиографизма в произведении известной современной французской писательницы А. Эрно «Место в жизни». Раскрывается художественное своеобразие разрабатываемого ею «плоского письма», близкого по форме и содержанию к документальным этнографическим и социологическим исследованиям и лишённого характерной для автобиографии субъективности. Движение автобиографического письма рассматривается сквозь призму реализации в тексте понятия «символическое насилие», заимствованного из социологии П. Бурдьё. Доказывается, что художественное исследование социально-исторических закономерностей возникновения «классовой дистанции» между отцом и дочерью заменяет у А. Эрно характерное для автобиографии хронологическое событийное повествование. Анализ ключевых для поэтики А. Эрно концептов, таких как «мир», «место», «стыд», «низшее положение», позволяет понять, с одной стороны, как рождается социально-культурное отчуждение, а с другой стороны, становится поводом для социальной критики действительности.

Ключевые слова: автобиографическое письмо, память, личное, социальное, социологический подход, символическое насилие, плоское письмо

Research article

The individual and the social in Annie Ernaux's autobiographical writing

Yulia A. Kosova¹, Elena B. Ponomarenko¹, Gérard Siary²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

²Paul Valéry University of Montpellier
Mende Road, Montpellier, 34199, Cedex 05, French Republic

This article examines the ideological and aesthetic peculiarities of autobiographical writing in “La Place” by Annie Ernaux, a well-known contemporary French writer. We argue that Annie Ernaux's “flat writing” is close to a sociological or ethnographic study and nearly

© Косова Ю.А., Пономаренко Е.Б., Сиари Ж., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

devoid of any autobiographical subjectivity. Autobiographical writing is approached through the concept of symbolic violence, borrowed from the sociologist P. Bourdieu. Ernaux indeed replaces event history, a feature of autobiography, by the study of socio-historical causes of “class distancing” between father and daughter. The analysis of key concepts of the Ernaux's poetics makes it possible, on the one hand, to grasp the appearance of social and cultural alienation and, on the other hand, to achieve a social criticism of reality.

Keywords: autobiographical writing, memory, intimate, social, sociological approach, symbolic violence, flat writing

Введение

Творчество Анни Эрно занимает особое место в литературном пейзаже современной Франции. Она является автором более двадцати книг, большинство из которых увидели свет в престижном издательстве «Галлимар» и переведены на различные языки мира, в том числе и на русский. В известном издании «Словарь: современная французская литература» под редакцией Жерома Гарсена ее имя фигурирует среди двухсот пятидесяти писателей, чьи произведения стали классикой литературы Франции XX в. Писательница удостоена многих престижных французских и международных литературных премий. В 1984 г. художественное новаторство ее произведения «Место в жизни» («La Place») было отмечено премией «Ренодо», лауреатами которой ранее были такие всемирно признанные мастера слова, как Л.-Ф. Селин, А. Арагон, М. Бютор, Ж.-М. Гюстав Леклезю, Ж. Перек. В 2019 г. она являлась одним из шести номинантов на «Международную Букеровскую премию».

Проза А. Эрно изучается в средних школах и университетах Франции. Благодаря многообразию затрагиваемых тем и подходов в постижении реальности – личной, социальной, классовой, исторической, гендерной – ее произведения являются предметом многостороннего анализа не только в зарубежном литературоведении, но и вызывают интерес у социологов, историков и психоаналитиков. Однако в отечественной науке о литературе нет значительных работ, посвященных ее творчеству, хотя имя А. Эрно упоминалось в контексте изучения автофикционального жанра во французской литературе рубежа XX–XXI вв. [1; 2].

Наряду с П. Мишоном, П. Бергунью, Ф. Боном, Ж. Руо и др., А. Эрно принадлежит к поколению французских писателей 1980–1990 гг., которые, не переставая ощущать себя наследниками нового романа с его приоритетом формального поиска и «подозрением» к миметической репрезентации действительности, референциальности и психологизму, возвращаются к «переходной» литературе с автобиографической доминантой. Благодаря общности провинциального и непривилегированного происхождения (А. Эрно родилась 1 сентября 1940 г. в Лильбоне в семье мелких коммерсантов, выходцев из крестьян) они привносят в нее критическое переосмысление знакомой им с детства, но долгое время остававшейся за рамками большой литературы реальности провинциальной Франции второй половины XX в. В связи кризисным состоянием современного мира осмысление «мизерных жизней» [3] приобретает особую важность и неизбежно становится, по словам французского литературоведа Д. Виара, «политическим вопросом» [3. С. 107].

А. Эрно утверждает, что «литература должна смущать (*gêner*), она связана с чем-то сексуальным» [4. С. 42] (здесь и далее перевод с французского наш. – Ю.К.), то есть является некоторой формой трансгрессии, нарушения запретов, обнаружения несказанного, а также способом воздействия на мир. В своих книгах писательница раскрывает темы, о которых не принято было говорить открыто и без эстетического смягчения: сексуальное и страсть, аборт, болезнь, двусмысленное положение женщины в буржуазных семьях, унижительные условия существования пролетариата, социальное неравенство в прошлом и настоящем, новые «отверженные» на окраинах мегаполисов. Неслучайно многие критики пишут о ней: «Она осмелилась...» [5. С. 93].

Д. Виар причисляет А. Эрно, «наделенную острым социально-политическим сознанием», к создателям «критического вымысла», в котором художественный текст перестает быть «предикативным» (*prédicatif*), то есть просто репрезентирующим состояние мира, и «соглашающимся» (*consentant*), то есть примиряющимся с установленным порядком вещей и проповедующим доксу, а превращается в пространство рефлексии и продуцирования критических смыслов. Задача, которую ставят перед собой литераторы, является «трижды критической» [3. С. 120]. Вопросание обращено к миру с его прошлым и настоящим, к каноническим литературным формам и к собственной манере письма как способу выразить реальность без идеологического и эстетического искажения. Художественная форма расследования, архивирование следов и объективных знаков существования становятся наиболее адекватным способом постижения ускользающей реальности, быстротечности времени, изменчивого характера истории, но в творчестве современных французских писателей такой подход реализуется по-разному. Разрабатываемая А. Эрно форма автобиографического письма, на которую сильное влияние оказали идеи социолога П. Бурдьё, далека от канонов как автобиографического, так и автофикционального жанров. В ее книгах рассказ «о себе» и о своих предках сочетается с широким социологическим материалом и металитературной рефлексией, а выстраиваемые вокруг «я» рассказчицы темы не перестают нарушать горизонт ожидания читателя.

Обсуждение

Четвертая книга А. Эрно «Место в жизни» (1984 г.), посвященная судьбе отца, является поворотным этапом не только в творчестве писательницы, но и определяет новый для современной французской литературы подход в «письме о себе», так как не вмещается в рамки ни одного из известных литературных жанров, старых и новых. Это ни роман, ни автобиография, ни биография, ни «автобиографический вымысел» (*autofiction*), ни «рассказ о родственных связях» (*récit de filiation*), но то, что в дальнейшем она сама назовет «авто-социо-биографией».

Понимание того, что личное всегда социально, что субъективность не мыслится вне истории, вне социального детерминизма, вне идентификации с «другим», приводит писательницу к созданию этой гибридной формы автобиографического письма, представляющей собой «нечто между литературой, социологией и историей» [6. С. 106]. Она преследует цель не собрать свою

идентичность в процессе письма, а, наоборот, «потерять свое «я», растворить его в более широкой реальности. А. Эрно утверждает: «Я пользуюсь моей субъективностью для того, чтобы обнаружить, раскрыть механизмы и явления более общие, коллективные» [7. С. 148]. По словам Ф. Дюга-Порт, несмотря на присущую произведениям А. Эрно субъективность, они выходят за рамки «простого эготического припоминания», их целью является «не интроспекция внутреннего мира, но исследование себя как сознания, неотделимого от условий существования» [5. С. 46].

На обложке книги не указана ее жанровая принадлежность. Во включенных в текст металитературных комментариях автор сразу же открыто заявляет, что «роман невозможен», так как желание «сделать что-то увлекательное или волнующее» из «жизни, подчиненной требованиям житейской нужды», было бы предательством по отношению к родителям и своей пролетарской среде происхождения [8. С. 24]. Новый язык повествования о прошлом получает название «плоское письмо» (*une écriture plate*). Для него характерна простая констатация фактов и архивирование объективных следов существования рабочих и крестьян: организация быта и труда, поведение, ценности, вкусы, предпочтения, страхи, слова и т. д. Отсутствие всякого стилистического украшения и художественности, на первый взгляд, сближает «плоское письмо» с языком социологического или этнографического исследования. Неслучайно, что в рабочем варианте книга называлась «Элементы для семейной этнографии». В «плоском письме» нет ни лиризма, ни сентиментальности, ни патетики, ни популизма, ни иронии. А. Эрно объясняет это так: «Я буду собирать слова, жесты, вкусы моего отца, значительные факты его жизни, все объективные знаки существования, которое я тоже разделяла. Никакой поэзии воспоминаний, никакого веселой насмешки. Плоское письмо мне приходит на ум естественным образом, оно похоже на то, как я раньше писала письма родителям, для того чтобы сообщить им главные новости» [8. С. 24].

В новом подходе к «письму о себе» очевидно влияние социологической теории П. Бурдьё, ключевыми понятиями которой являются «различение», «габитус», «властвующие/подвластные», «символическое насилие». Знакомство с его работами имело для А. Эрно огромное «онтологическое» значение, так как позволило осознать «социальное бессознательное» (*refoulé social*), скрытые механизмы воспроизводства социального неравенства в обществе: «Прочитать в семидесятые годы “Наследники”, “Воспроизводство”, а позже “Различение” значило и продолжает значить для меня испытать сильный онтологический шок. Я намеренно использую термин “онтологический”: бытие, которое считалось нашим бытием, не казалось больше тем же самым, сложившееся видение себя и других в обществе распалось, наше место, наши вкусы, ничто больше не являлось естественным, само собой разумеющимся...» [9]. Благодаря трудам социолога отдаление от своей среды, это, по словам писательницы, «внутреннее изгнание», перестало быть единичным случаем, а оказалось проявлением социальных закономерностей, с которых были сняты маски.

В произведении «Место в жизни» присутствует тенденция к обобщению, превращению индивидуального опыта в демонстрацию общих явлений. А. Эрно

пытается вырваться из «ловушек индивидуального» [8. С. 45]. Судьба отца, изложенная в серии разрозненных и разнородных фрагментов, разделенных графическими пробелами и организованных вокруг незначительной бытовой детали, слова или факта биографии, представлена не как нечто единичное, а как опыт, репрезентирующий образ жизни всей социальной группы. Конфликт с дочерью также не является исключительно личным событием. Отсутствие имен собственных, преобладание местоимения «мы», значение которого передается во французском языке двумя грамматическими формами *nous* и *on*, использование заглавных букв *L.* и *Y.* для обозначения городов, в которых жила семья автора-рассказчицы, участвуют в деперсонализации личного опыта.

Движение автобиографического письма в этом произведении становится более понятным, если рассмотреть его сквозь призму реализации в тексте символического насилия, понятия, заимствованного из социологии П. Бурдьё. Под действием этого механизма подчинения установленному общественному порядку между необразованным отцом и образованной дочерью, занимающими разное место в социальном пространстве, возникает, как подчеркивает автор, «классовая дистанция». А. Эрно преследует две цели: с одной стороны, раскрыть, как возникло это социальное и культурное отчуждение, а с другой стороны, преодолеть его, «реабилитируя» свое прошлое в процессе письма.

Согласно П. Бурдьё, в отличие от физического воздействия, символическое насилие является неявным и неосознанным. Оно устанавливается, когда «подвластные» начинают видеть себя и свои условия существования глазами «властвующих», разделять с ними и считать не просто легитимным, но продиктованными самой природой схемы восприятия и оценки, через которые они воспринимаются как подчиненная группа [10. Р. 87]. Символическое насилие выражается в ряде жестов подчинения, так как объективные внешние структуры, социальное – деятельность индивида и окружающая его среда – вписываются в «тело подвластного», структурируя его образ мыслей, внешний вид, поведение, положение тела и т. д.

У А. Эрно жертвой символического насилия являются одновременно и отец, и дочь. Восприятие автором-рассказчицей разрыва с отцом как «предательства» порождает чувство вины и необходимость «искупления» через «реабилитацию» народной среды и разоблачение социального конформизма, позволяющего не замечать или оправдывать существующее классовое неравенство. Книга предваряется эпиграфом, взятым из Ж. Жене: «Я осмеливаюсь дать объяснение: писать – это последнее прибежище для того, кто предал».

Прежде всего А. Эрно снимает завесу с темы народной жизни, раскрывая «унизительные условия нашего (его) существования». Суровая реальность резюмируется в серии ключевых слов, организующих произведение: «мир» (*monde*), «место» (*place*), «стыд» (*honte*), «низшее положение» (*infériorité*).

Социальная действительность Франции предстает разделенной на два резко отличающихся «мира»: «властвующих» и «подвластных». Мир «властвующих» характеризуется материальным достатком, образованностью и хорошими манерами, проживанием в центре города или замке, отдыхом на море. Неслучайно, говоря о времени и месте рождения отца, А. Эрно заостряет вни-

мание читателя на близости его родного дома к морю, являющемся для него недостижимым знаком благополучия: «История начинается за несколько месяцев до начала двадцатого века в деревеньке в местности Ко, в двадцати пяти километрах от моря» [8. С. 24]. Счастье вырваться благодаря службе в армии из замкнутой крестьянской среды передается при помощи сравнения. В восприятии отца рассказчицы полковая казарма сближается с замком («казарма была больше, чем замок»), важным референциальным ориентиром в пространственно-временной картине мира французского крестьянина.

Представление о буржуазной среде у А. Эрно дополняется интертекстуальной переключкой с Р. Бартом и П. Бурдьё. Это закрытый «мир, который управляет, господствует, пишет» [8. С. 76], навязывая и узаконивая посредством культуры и образования превосходство своего языка, правил поведения и стиля жизни. Даже воспоминание о счастливом детстве, проведенном в народной среде, кажется ему «дурным вкусом» [8. С. 73]. «Властвующие» предпочитают забыть, что «мир внизу» [8. С. 73] существует. Он воспринимается ими в качестве безмолвной «декорации» [8. С. 96].

Другая Франция, в которой жил отец рассказчицы и росла она сама, населена испытывающими нужду неграмотными или недостаточно хорошо образованными людьми, проживающими в сельской местности или в рабочих кварталах, которые могут себе позволить провести один раз в жизни «три дня на берегу моря» [8. С. 66]. Это мир, в котором «все стоит дорого» [8. С. 58]. Непрекращающаяся нужда, покорность обстоятельствам, отказ от желаний передается в тексте через повторение в разных пространственно-временных контекстах жизни отца (работа на ферме, первый магазинчик в L., годы войны, жизнь в Y.) неопределенно-личной конструкции *il fallait* («нужно было») или выражения *avoir besoin* (нуждаться в чем-либо). Предложения выделяются курсивом, который у А. Эрно служит графическим способом введения чужой речи: «Мы все-таки были счастливы. Нужно было» [8. С. 32]; «...им нужно было жить» [8. С. 40]; «Нужно будет продавать» [8. С. 41]; «Нужно было жить несмотря ни на что» [8. С. 49].

Внешнее различие между «властвующими» и «подвластными» объективируется писательницей в столкновении двух стилей жизни, двух вкусов. «Вкус классифицирует, распределяет по классам того, кто классифицирует» [11. С. 7] в процессе выбора не только объектов эстетического потребления, но и одежды, домашней обстановки, еды, форм досуга. Писательница перечисляет простонародные привычки и вкусы отца. Он предпочитал цирк и ярмарки посещению музеев, газеты – книгам, красивые пейзажи – произведениями искусства, колбасные изделия – соусам, нож – вилке, работу в огороде – поездкам в город и т. д. Его предпочтения соответствуют «вкусу нужды», который противопоставляется «вкусу к свободе и/или роскоши» представителей привилегированного класса. Отличие двух образов жизни определяется в произведении «антитезой между качеством и количеством, жирной едой и изысканными блюдами, содержанием и формой» [11. С. 7].

Для рассказчицы буржуазия, вкусы и образ жизни которой отличаются от ее среды, представляется «другим миром» [8. С. 65]. Люди, пришедшие из противоположного социального слоя, воспринимаются в обеих «полови-

нах мира» как «посторенные, иностранцы» (*étranger*). Она сравнивает себя с эмигранткой, перебежчицей: «Я медленно эмигрирую в сторону мелкобуржуазного мира...» [8. С. 79]. Предательство осуществляется ценой забвения «манер, идей и вкусов» своего мира.

В результате действия символического насилия разделение мира на две части признается отцом легитимным, само собой разумеющимся: «Весь мир поделен на две коалиции» [8. С. 75]. В своих желаниях, житейских потребностях, в понимании счастья он, как и все простые люди, довольствуется малым, как если бы не имел права на большее. Автор очерчивает границы материального благополучия народа, цитируя слова родителей: «У нас было все, что нужно, то есть мы ели досыта (доказательством чего была покупка мяса четыре раза в неделю в мясной лавке), в кухне и в кафе было тепло, единственных комнатах, где мы жили. Два комплекта одежды, один для повседневной носки, другой для воскресных дней...» [8. Р. 56].

В полифоническом дискурсе А. Эрно эта литания скрытой нужды не противоречит представлениям буржуазии о легитимности скромных потребностей народа: «Запах цветущей бирючины в конце весны, звонкий лай собак в ноябре, отчетливо слышащийся шум проходящего поезда, знак холода, да, несомненно, все то, что позволяет миру, который правит, господствует, пишет в газетах, говорить, что «эти люди все-таки счастливы»» [8. Р. 76]. Суровая реальность тяжелого труда и материальной нужды остается под запретом и окутывается молчанием в дискурсе «властвующих».

Однако А. Эрно показывает, что примирение простых людей с «унизительными условиями нашего существования» связано с принятием ярлыка «ничтожности, низшего положения», установленного для них «властвующими», которые манипулируют стереотипом образованности как главным основанием человеческого достоинства. Даже отец рассказчицы оценивает человека, применяя критерии «властвующей» группы. Воспоминание о ее дедушке неизменно начиналось с подчеркивания его неграмотности: «Каждый раз, когда он мне рассказывал о нем, это начиналось с “он не умел ни читать, ни писать”, как если бы его жизнь и его характер нельзя было понять без этой изначальной данности» [8. С. 26].

Повторяя «чужие слова», продиктованные существующим общественным порядком, простые люди стыдятся своей ограниченности, «незнания того, что мы бы обязательно знали, если бы мы не были тем, чем были, то есть людьми низшего сорта» [8. С. 60]. Отсутствие образования и хороших манер воспринимаются как недостаток, требующий оправдания: «Что вы хотите, он же из деревни».

А. Эрно настаивает на том, что улучшение уровня жизни в послевоенное время, которое проявляется в изменении потребительской корзины, в появлении телевизоров, фотоаппаратов, машин, удобств внутри дома, не помогает преодолеть глубинное расхождение между двумя социальными классами, так как оно основывается не только и не столько на материальном положении, сколько на допуске к культуре и образованию, а через них и к власти. Отсутствие образования унижает человека и становится постоянной причиной гнева и ненависти, обращенной к себе и другим. «Ненависть и рабское состояние. Ненавистное отношение к своему рабскому состоянию» [8. С. 75].

Принадлежность к классу «подвластных» проявляется в серии жестов подчинения, которые контрастируют с естественным поведением элиты. Робость, серьезность, подобострастие свойственны простым людям при контакте с буржуазией. На семейных фотографиях родители никогда не улыбаются. Отец автора-рассказчицы «готов вывернуться наизнанку» (*se mettre à quatre pattes*)), чтобы угодить лицейским подругам дочери, приехавшим к ним в гости. Обращает на себя внимание изменение положения его тела в пространстве. Все большая согбенность является ли результатом тяжелого физического труда в течение жизни (работа в поле, на заводе, на стройке, перетаскивание коробок с провизией для магазина) или же выражением его покорности своей судьбе?

Различие между двумя социальными слоями общества подчеркивается в первую очередь через отношение к слову. Мир делится на тех, кто «умеет правильно говорить» [8. С. 23], и тех, кто не «владеет искусством умной беседы» [8. С. 96]. «Низшее положение» рабочих и крестьян отражается в страхе перед словом и в неумении свободно выражать свои мысли: «Любитель поговорить в кафе, в семье, перед людьми, которые говорили правильно, он молчал или же останавливался посреди фразы, вставляя “не так ли” или просто “нет”, со взмахом руки, просящим человека понять его или же продолжить вместо него. Говорить всегда осторожно, непобедимый страх перед неуместным словом, создающим такое же плохое впечатление, как случайно выпущенный воздух» [8. С. 63]. Попытки рассказчицы выразиться в школьном возрасте на «чистом и стилистически правильном языке» сравниваются с «броском в пропасть» [8. С. 64]. Языковые ошибки представляют собой реальную опасность, так как порождают презрение и унижение со стороны учителей и одноклассниц.

В произведении «Место в жизни» отчуждение между отцом и рассказчицей возникает в подростковом возрасте как «классовая дистанция» [8. С. 23], основанная в первую очередь на нарушении процесса коммуникации: «Я пишу, может быть, потому что нам нечего было больше сказать друг другу» [8. С. 84]. А. Эрно показывает, что благодаря включению в систему буржуазного образования она начинает говорить, думать, вести себя, как ее буржуазное окружение. Для нее становится «естественным» язык господствующего класса, и она отвергает язык своей социальной среды. Дистанция между ней и отцом образуется усвоенными «чужими» словами, которые цитируются в тексте при помощи кавычек. Например, она называет родителей «славными людьми», как потом их будет характеризовать ее муж. Она читает «настоящую» литературу, тогда как ее отец смотрит «глупые» фильмы. В его единственной любимой книге «Путешествие по Франции двух детей» встречаются «странные» с точки зрения буржуазного менталитета фразы о смирении, трудолюбии, милосердии, определяющие образ мысли и жизни простого человека. Отец рассказчицы, наоборот, считал их очень «реальными» [8. С. 30].

Страх отца перед языковыми ошибками и понимание незначительности своих воспоминаний передается глаголом «осмеливаться»: «Он не осмеливался больше мне рассказывать истории из своего детства. Я не говорила ему больше о своей учебе» [8. С. 80]. Новое «место» дочери изменяет его

поведение, он непроизвольно начинает вести себя с ней с той же осторожностью, с которой раньше общался с людьми, занимающими в обществе более высокое положение, а именно – «скромно выпрямляясь перед ними, не задавая никаких вопросов» [8. С. 60]. Гневные вспышки уступают место смиренному молчанию.

Рассказчица, в свою очередь, входит в буржуазный мир путем унижения своей памяти и забвения своих корней. Она должна признать «незначительными, бессмысленными» (*insignifiant*) свои детские воспоминания, согласиться с тем, что все, что она любила, было просто «деревенщиной» (*réquenot*). Она «очистила» (*épuré*) образ родителей от присущих их среде характеристик, сделал его более благородным, соответствующим буржуазным стереотипам. Однако с годами разрыв с отцом начинается восприниматься как утрата, обозначенная метафорой «разведенная любовь» (*amour séparé*), в которой выражается идея разделения двух эмоционально близких сущностей при помощи какой-то внешней силы.

Можно утверждать, что созданный А. Эрно в «Месте в жизни» концепт «униженная память» [8. С. 73]. является движущим стимулом ее автобиографического письма. Забвению своих истоков и табу, наложенному на тему народной жизни в системе буржуазного образования и культуры («...мне было запрещено описывать то, что я знала» [8. С. 69]), противопоставляется «плоское письмо», с помощью которого она «принимает и преодолевает культурный разрыв, импортирует в литературу что-то грубое, тяжелое, жестокое, связанное с условиями жизни, с языком мира, который был полностью ее до восемнадцати лет, с миром рабочих и крестьян» [7. С. 56].

В дискурсе памяти А. Эрно любая реальность, даже самая грубая, называется своими именами, в процессе воспоминания восстанавливается отодвинутая на задворки памяти информация. Моделью для «плоского письма» служит, с одной стороны, язык ее провинциального окружения, в котором «никогда не принимали одно слово за другое» [8. С. 46]. С другой стороны, «знаки силы или унижения» [8. С. 100], которые характеризовали ее отца как представителя «подвластной» социальной группы, она находит в анонимных прохожих, встреченных на перроне вокзалов. Писательница вводит в литературу суровые и грубые реалии жизни народа, картины его бедности и унижения, которые не могут не вызывать беспокойство читателя, так как продолжают существовать в современном мире в провинции и на периферии больших городов.

Образы родителей, воссозданные в произведении во всей наготе их неправильной речи, убогого быта, непритязательных вкусов, обозначаются библейской метафорой «славные тела» (*des corps glorieux*), аллюзивно отсылающей к событию Воскресения Христа. Бросая вызов легитимному дискурсу, А. Эрно являет перед критическим и безжалостным взором читателя «нижнее», то, что составляло, согласно П. Бурдье, последнюю степень эстетического «отторжения, точку негативной референции» [11. С. 61]. Кроме того, в ее автобиографическом проекте, преодолевающим границы дозволенного и обнаруживающим коллективную правду, вызов общественному сознанию неотделим от идеи жертвенности, жертвоприношения своих родных, всей их среды и самой себя.

Заключение

«Место в жизни» А. Эрно вписывается одновременно и в современную литературную тенденцию возвращения к своим истокам путем создания «окольной» автобиографии, в которых рассказчик занимает скорее позицию свидетеля, и в реалистическую традицию изображения условий существования рабочего класса, берущую начало в романах Золя, но на другом смысловом и эстетическом уровне. В этом произведении формальный эксперимент, внимание к языку связаны с художественным осмыслением тем, традиционно являющихся прерогативой социологии. Поиск причинно-следственных связей между событиями жизни отца и своей собственной, рассматриваемых в контексте условий существования, определяет структурно-логическую и языковую организацию произведения, в основе которого лежит оппозиция между двумя социальными классами и образами жизни французского общества: миром буржуазии и миром простых людей (крестьян, рабочих и мелких торговцев), то есть «господствующих и господствуемых» (*dominants – dominés*), согласно социологу П. Бурдьё. Далекое от простого возвращения к реализму и традиционной автобиографии, авто-социо-биографическое письмо А. Эрно позволяет поднимать вопросы бытия простых людей в прошлом и настоящем, не прибегая к рассказыванию истории, психологическим и социальным комментариям, смягчающему реалии жизни ироническому или ностальгическому дискурсу.

ENG

Introduction

The work of Annie Ernaux holds a special place in the literary landscape of modern France. She is the author of more than 20 books, most of which were published at the prestigious Gallimard Publishing House and translated into various languages of the world, including Russian. In the *Dictionary of French-speaking contemporary writers* (Jérôme Garcin's well-known *Dictionnaire des écrivains contemporains de langue française*), her name appears among 250 writers whose works have become classics of French literature of the twentieth century. She was awarded many prestigious French and international literary prizes. In 1984, on account of the innovative character of her work “*A man's place*” (“*La Place*”), she was awarded the Renaudot Prize, the laureates of which were previously internationally recognized word masters such as L.-F. Celine, A. Aragon, M. Butor, J.-M. Gustave Le Clézio, and G. Perec. In 2019, she was one of the six nominees for the International Booker Prize.

The prose of A. Ernaux is studied in French high schools and universities. Due to the variety of topics and approaches to comprehend reality – personal, social, class, historical, gender, – her works are the subject of multilateral analysis not only in foreign literary criticism but also arouse the interest among sociologists, historians, and psychoanalysts. However, in the national science of literature, there is no significant research devoted to her work, though A. Ernaux's name was mentioned in the context of the study of the autofiction in French literature at the turn of the 20th and 21st centuries [1; 2].

A. Ernaux belongs to the generation of French writers of 1980–1990, such as P. Michon, P. Bergougnoux, F. Bon, and others who, without ceasing to deem themselves the heirs of the *nouveau roman* (*new novel*), which gave priority to formal research and “suspicion”, to mimetic representation of reality, referentiality and psychologism, do return to the “transitional” literature with its autobiographical dominance. Due to their modest provincial ascent (A. Ernaux was born on the 1st of September 1940 in Lilbonne in a family of small businessmen of peasant origin), they produce a critical reflection on issues familiar to them from childhood but did for a long time remain outside the framework of the great literary realism of provincial France in the second half of the twentieth century. In connection with the crisis state of the modern world, understanding “*miserable lives*” becomes especially important and, according to the French literary critic D. Viard, an “*inevitable political issue*” (“*des questions nécessairement politiques*”) [3. P. 107].

A. Ernaux claims that “*literature should be confusing, and associated with something sexual*” (“*la littérature c’est quelque chose qui doit gêner, c’est lié à quelque chose de sexuel*”) [4. P. 42], i.e. is a form of transgression, a violation of prohibitions, detection of the unspoken, as well as a way of exerting influence upon the world. In her books, the writer exposes topics that weren’t openly discussed without aesthetic mitigation: sexual and passion, abortion, disease, the ambiguous position of women in bourgeois families, the humiliating conditions of the proletariat, social inequality in the past and present, and the new “*outcasts*” on the outskirts of metropolitan areas. It is no coincidence if many critics wrote: “*She dared to...*” [5. P. 93].

Viard classifies A. Ernaux, “*endowed with a keen socio-political consciousness*”, as one of the creators of the “*critical fictions*” (*la fiction critique*), in which the artistic text ceases to be “*predictive*” (*prédicatif*), that is, simply representing the state of the world, and “*agreeing*” (*consentant*), than is, reconciling with the established order of things and preaching Doxa, but turns instead into a space for reflection and the production of a critical meaning. The task set by the writers is “*three times critical*” (“*triplement critique*”) [3. P. 120]. The question is addressed to the world with its past and present, to canonical literary forms and to its style of writing as a way to express reality without ideological and aesthetic distortion. The artistic form of investigation, archiving of traces and objective signs of existence become the most adequate way to comprehend the elusive reality, the transience of time, the changing nature of history. However, in the work of modern French writers, this approach is implemented in various ways. A. Ernaux developed a form of autobiographical writing, strongly influenced by the ideas of sociologist P. Bourdieu, which is far from the canons of both autobiographical and autofictional genres. In her books, the story “*about herself*” (*l’écriture de soi*) and her ancestors are combined with a wide range of sociological material and metaliterary reflection, and the themes built around the “I” of the storyteller do not cease to break the horizon of the reader's expectations.

Discussion

A. Ernaux's fourth book “*A man’s place*” (“*La Place*”) (1984), dedicated to the fate of the father, is a turning point not only in the writer's work but also defines a new approach to modern French literature in “*writing about yourself*”, as it does

not fit into the framework of any of the known literary genres, old and new. This is no novel, no autobiography, no biography, no autobiographical fiction, no “*auto-fiction*”, no “*récit de filiation*”, but what she would later call “*auto-socio-biography*” (*auto-socio-biographie*).

The understanding that the personal is always social, that subjectivity is not conceived outside of history, outside of social determinism, outside of identification with the “*other*”, leads the writer to the creation of this hybrid form of autobiographical writing, which is “*something between literature, sociology, and history*” (“*quelque chose entre la littérature, la sociologie et l’histoire*”) [6. P. 106]. Its aim is not to constitute its identity in the process of writing but, on the contrary, to “*lose its self*” and dissolve it into a broader reality. A. Ernaux states: “*I use my subjectivity to discover and reveal mechanisms and phenomena more general, collective*” (“*je me sers de ma subjectivité pour retrouver, dévoiler les mécanismes ou les phénomènes plus généraux, collectifs*”) [7. P. 148]. According to F. Dugast-Portes, despite the subjectivity inherent in A. Ernaux's works, they go beyond “*simple selfish remembrance*”, and their aim is “*not to introspect the inner world but to explore oneself as a consciousness inseparable from the conditions of existence*” (“*la finalité n’est pas l’introspection pour elle-même, mais l’exploration de soi comme conscience inséparable de ce qui la fait exister*”) [5. P. 46].

The cover of the book does not indicate the genre of the book. In the meta-literary comments included in the text, the author immediately declares that “*a novel is out the question*” (“*le roman est impossible*”) because the desire to tell the story from “*a life governed by necessity*” (“*une vie soumise à la nécessité*”) would betray parents and their proletarian environment of origin [8. P. 24]. The new language of the past called “*flat writing*” (*une écriture plate*). It is characterized by a simple statement of facts and archiving of objective traces of the existence of workers and peasants: the organization of life and work, behavior, values, tastes, preferences, fears, words, etc. The absence of any stylistic ornamentation and artistic effect at first glance brings “*flat writing*” closer to the language of sociological or ethnographic research. It is no coincidence that the working version of the book was called “*Elements for Family Ethnography*” (*Éléments pour une ethnographie familiale*). In “*flat writing*” there is no lyricism, no sentimentality, no pathos, no populism, no irony. A. Ernaux explains it this way: “*I shall collate my father’s words, tastes and mannerisms, as well as the main events of his life. In short, all the external evidence of his existence, an existence which I too shared. No lyrical reminiscences, no triumphant displays of irony. A flat writing comes to me naturally, it was the same style I used when I wrote home telling my parents the latest news*” (“*Je rassemblerai les paroles, les gestes, les goûts de mon père, les faits marquants de sa vie, tous les signes objectifs d’une existence que j’ai aussi partagée. Aucune poésie de souvenirs, pas de dérision jubilante. L’écriture plate me vient naturellement, celle-là même que j’utilisais en écrivant autrefois à mes parents pour leur dire les nouvelles essentielles*”) [8. P. 24].

In the new approach to “*writing about oneself*”, the influence of P. Bourdieu's sociological theory is evident, the key concepts of which are “*distinction*”, “*habitus*”, “*dominants – dominés*” and “*symbolic violence*”. His works were of a great “*ontological*” importance for A. Ernaux, as they made it possible to under-

stand the “*social unconscious*” (“*le refoulé social*”), the hidden mechanisms of reproduction of social inequality in society: “*To read in the seventies ‘Heirs’, ‘Reproduction’ and later ‘Distinction’ meant, and continues to mean, for me to experience a strong ontological shock. I intentionally use the term ‘ontological’: the being that was considered our being did not seem to be the same anymore, the established vision of ourselves and others in the society disintegrated, our place, our tastes, nothing was anymore natural, self-evident...*” [9]. Thanks to the sociologist's work, this “*internal exile*” (*cet exil intérieur*), in the writer's words, ceased to be an isolated case and turned out to be a manifestation of the social patterns from which the masks were removed.

In the work “*A man's place*” (“*La Place*”) there is a tendency to generalize, to turn the individual experience into a demonstration of common phenomena. A. Ernaux tries to escape from the “*traps of the individual*” (“*du piège de l'individuel*”) [8. P. 45]. The father's fate, outlined in a series of disparate and heterogeneous fragments separated by graphic spaces and organized around an insignificant everyday detail, a word or a fact of biography, is presented not as something individual, but as an experience representing the way of life of the entire social group. The conflict with the daughter is also not a purely personal event. The lack of names, the predominance of the pronoun “*we*”, the meaning of which is conveyed in French by the two grammatical forms “*nous*” and “*on*”, and the use of capital letters L. and Y. to denote the cities in which the storyteller's family lived, participate in the depersonalization of personal experience.

The movement of autobiographical writing in this work becomes more understandable if we consider it through the prism of implementation in the text of “*symbolic violence*”, a concept borrowed from the sociology of P. Bourdieu. Under the influence of this mechanism of subordination to the established social order between an uneducated father and an educated daughter who occupy a different place in the social space, as the author emphasizes, “*class distance*” (“*une distance de classe*”). A. Ernaux pursues two goals: on the one hand, to reveal how this social and cultural alienation arose, and on the other hand, to overcome it by “*rehabilitating*” his past in the process of writing.

According to P. Bourdieu, unlike physical influence, “*symbolic violence*” is implicit and unconscious. It is established when the “*subordinate*” begin to see themselves and their conditions of existence through the eyes of the “*ruling*”, to share with them and consider this process not only legitimate but dictated by the very nature of the scheme of perception and assessment through which they are perceived as a subordinate group [10. P. 87]. “*Symbolic violence*” is expressed in some gestures of submission, because the objective external structures, social – the activity of the individual and his environment – fit into the body of the subject, structuring his way of thinking, appearance, behavior, body position, etc.

A. Ernaux's victims of symbolic violence are both father and daughter. The author's perception of the rupture with her father as a “*betrayal*” generates a sense of guilt and a need for “*redemption*” through the “*rehabilitation*” of the folk environment and the exposure of social conformism, which allows to ignore or justify the existing class inequality. The book is preceded by an epigraph taken from Jean Genet: “*I venture an explanation: writing is the ultimate recourse*”

for those who have betrayed” (“*Je hasarde une explication: écrire c’est le dernier recours quand on a trahi*”).

First of all, A. Ernaux removes the veil from the theme of national life, revealing the “*humiliating conditions of our (his) existence*” (“*les barrières humiliantes de notre condition*”) [8. P. 54]. The harsh reality is summarised in a series of keywords organizing the work: “*world*” (*le monde*), “*place*” (*la place*), “*shame*” (*la honte*), “*inferior position*” (*l’infériorité*).

The social reality of France is divided into two sharply different “*worlds*”: “*dominant and dominated*” (*dominants – dominés*). The world of “*dominants*” is characterized by material wealth, education and good manners, living in the city center or castle, relaxing on the sea. It is no coincidence that when speaking of his father's time and place of birth, A. Ernaux focuses the reader's attention on the proximity of his home to the sea, which is an unattainable sign of well-being for him: “*The story begins a few months before the beginning of the twentieth century in the village of Co, twenty-five kilometers from the coast*” (“*L’histoire commence quelques mois avant le vingtième siècle, dans un village du pays de Caux, à vingt-cinq kilomètres de la mer*”) [8. P. 24]. Happiness to escape from the closed peasant milieu of the army is transmitted by comparison. The storyteller's father perceives the regimental barracks to be closer to the castle (“*the barracks were bigger than the castle*” (“*la caserne plus grande qu’un château*”)), an important reference point in the spatial and temporal picture of the world of the French peasant.

The idea of a bourgeois environment in A. Ernaux is supplemented by an intertextual roll call with R. Barthes and P. Bourdieu. It is a closed “*world that rules, dominates, writes*” (“*le monde qui dirige, domine, écrit dans les journaux*”) [8. P. 76], imposing and legitimizing through culture and education the superiority of its language, rules of conduct and lifestyle. Even the memory of a happy childhood spent in a folk environment seems to him to be a “*bad taste*” (“*quelque chose de mauvais goût*”) [8. P. 73]. The “*ruling*” prefer to forget that “*the world below*” (“*le monde d’en bas*”) [8. P. 73] exists. They perceive it as a silent “*scenery*” (“*un décor*”) [8. P. 96].

Another France, where the storyteller's father lived and grew up, is inhabited by illiterate or under-educated people living in rural areas or working-class neighborhoods who can afford to spend once in their lives “*three days by the sea*” (“*trois jours dans la famille, au bord de la mer*”) [8. P. 66]. It is a world where “*everything is worthwhile*” (“*tout coûte cher*”) [8. P. 58]. Continuing need, obedience to circumstances, refusal of desires are transmitted in the text through the repetition in different spatial and temporal contexts of the father's life (work on the farm, the first shop in L., years of war, life in Y.) of the vaguely personal construction “*il fallait*” (“*needed*”) or the expression “*avoir besoin*” (“*needed something*”). The sentences are in italics, which A. Ernaux uses as a graphic way of introducing someone else's speech: “*We were happy after all. We had to*” (“*On était heureux quand même. Il fallait bien*”) [8. P. 32]; “*...they had to live*” (“*ils avaient besoin de vivre*”) [8. P. 40]; “*We had to sell*” (“*Il va falloir vendre*”) [8. P. 41]; “*We had to live no matter what*” (“*Il fallait bien vivre malgré tout*”) [8. P. 49].

The external distinction between “*dominant ones*” and “*dominated ones*” is objectified by the writer in the collision of two lifestyles, two tastes. “*Taste clas-*

sifies, distributes to the classes of the person who classifies” (*“Le goût classe, et classe celui qui classe”*) [11. P. 7] in the process of choosing not only the objects of aesthetic consumption but also clothing, home environment, food, leisure forms. The writer lists the common people's habits and tastes of the father. He preferred circus and fairs to visit museums, newspapers to books, beautiful landscapes to works of art, sausages to sauces, knives to forks, gardening to trips to the city, etc. His preferences correspond to the *“taste of need”* (*“le goût de nécessité”*), which is opposed to the *“taste for freedom and/or luxury”* (*“le goût de liberté – ou de luxe”*) of the privileged class. The difference between the two ways of life is defined in the work by the *“antithesis between quality and quantity, fatty food and delicious dishes, content, and form”* (*“l’antithèse entre la quantité et la qualité, la grande bouffe et les petits plats, la substance et la forme”*) [11. P. 7].

For the storyteller, the bourgeoisie, whose tastes and way of life differ from her environment, is represented by the *“other world”* (*“un autre monde”*) [8. P. 66]. People from the opposite social strata are perceived in both *“halves of the world”* as *“outsiders, foreigners”* (*“étrangers”*). She compares herself to an immigrant, a defector: *“I slowly emigrate towards the petty-bourgeois world...”* (*“J’émigre doucement vers le monde petit-bourgeois”*) [8. P. 79]. Betrayal is carried out at the cost of forgetting the *“manners, ideas and tastes”* of the world.

As a result of symbolic violence, the division of the world into two parts is recognized by the father as legitimate, of course: *“Le monde entier ligué”* [8. P. 75]. In his desires, in his everyday needs, in his understanding of happiness, he, like all ordinary people, is satisfied with small things, as if he had no right to do more. The author outlines the boundaries of the material well-being of the people, quoting the words of parents: *“We had everything we needed, that is, we had enough to eat (the proof of which was buying meat four times a week in a butcher shop), in the kitchen and a cafe was warmth, the only rooms where we lived. Two sets of clothes, one for everyday wear, one for Sundays...”* (*“On avait tout ce qu’il faut, c’est-à-dire qu’on mangeait à notre faim (preuve, l’achat de viande à la boucherie quatre fois par semaine), on avait chaud dans la cuisine et le café, seules pièces où l’on vivait. Deux tenues, l’une pour tous-les-jours, l’autre pour le dimanche...”*) [8. P. 56].

In A. Ernaux's polyphonic discourse, this litany of hidden need does not contradict the bourgeoisie's idea of the legitimacy of the people's modest needs: *“The smell of blossoming turquoise at the end of spring, the ringing barking of dogs in November, the distinctly audible noise of the passing train, the sign of cold, yes, undoubtedly, everything that allows the world, which rules, dominates, writes in the newspapers, to say that ‘these people are happy after all’ ”.* (*“Le parfum des troènes en fleurs à la fin du printemps, les aboiements clairs des chiens en novembre, les trains qu’on entend, signe de froid, oui, sans doute, tout ce qui fait dire au monde qui dirige, domine, écrit dans les journaux, ‘ces gens-là sont tout de même heureux’ ”*) [8. P. 76]. The harsh reality of hard work and the material need remains forbidden and is wrapped in silence in the discourse of the *“dominant ones”*.

However, A. Ernaux shows that the reconciliation of ordinary people with the *“humiliating conditions of our existence”* is linked with the adoption of the label

of “inferiority” (*l’infériorité*), which is established for them as the “dominating one” and manipulates the stereotype of education as the main basis for human dignity. Even the storyteller's father evaluates the individual by applying the criteria of the “dominating” group. Her grandfather's memory invariably began by emphasizing his illiteracy: “Every time he told me about him, it began with ‘he could not read or write’ as if his life and character could not be understood without this initial givenness” (“*Chaque fois qu’on m’a parlé de lui, cela commençait par ‘il ne savait ni lire, ni écrire’, comme si sa vie et son caractère ne se comprenaient pas sans cette donnée initiale*”) [8. P. 26].

Repeating the “other people's words” dictated by the existing social order, ordinary people are ashamed of their limitations, “not knowing what we would have known if we hadn't been what we were, i.e. people of the lowest class” (“*Honte d’ignorer ce qu’on aurait forcément su si nous n’avions pas été ce que nous étions, c’est-à-dire inférieurs*”) [8. P. 60]. Lack of education and good manners are perceived as shortcomings that need to be justified: “What do you want, he is from the village”.

A. Ernaux insists that the improvement of the standard of living in the post-war period, which manifests itself in the change of the consumer's basket, in the appearance of television sets, cameras, cars, and amenities inside the house, does not help to overcome the deep discrepancy between the two social classes, as it is based not only and not so much on the material situation but also the access to culture and education, and through them to power. Lack of education humiliates a person and becomes a constant reason for anger and hatred towards oneself and others. “Hatred and slavery. Hate towards one's own slave state” (“*Haine et servilité, haine de sa servilité*”) [8. P. 75].

Belonging to the class of the “dominated ones” (*dominés*) is manifested in a series of gestures of submission, which contrast with the natural behavior of the elite. Shyness, seriousness, and subservience are characteristic of ordinary people in contact with the bourgeoisie. In family photos, parents never smile. The author's father is “ready to turn inside out” (“*se mettre à quatre pattes*”) to please his daughter's lyceum friends who visit them. The change of position of his body in space attracts attention. Does the increasing bending result from hard physical work during his life (work in the field, in a factory, on a construction site, dragging boxes of food for the store) or is it an expression of his obedience to his destiny?

The distinction between the two social strata of society is emphasized primarily through the relationship to the word. The world is divided into those who “know how to speak correctly” (“*qui parlaient bien*”) [8. P. 63] and those who do not “know the art of intelligent conversation” (“*une conversation spirituelle*”) [8. 3. 96]. The “inferior position” (*l’infériorité*) of workers and peasants is reflected in the fear of the word and the inability to freely express one's thoughts: “The lover of talking in a cafe, in the family, in front of people who spoke correctly, he kept silent or stopped in the middle of the phrase, inserting ‘not so’ or just ‘no’, with a wave of the hand, asking the person to understand it or to continue instead. Speaking with care is always a cautious, invincible fear of an inappropriate word that creates the same bad impression as the accidental release of air” (“*Bavard au café, en famille, devant les gens qui parlaient bien il se taisait, ou il s’arrêtait*”).

au milieu d'une phrase, disant 'n'est-ce pas' ou simplement 'pas' avec un geste de la main qui invitait la personne à comprendre ou à poursuivre à sa place) [8. P. 63]. The storyteller's attempts to express herself at school age in pure and stylistically correct language are compared to a *"throw into the abyss"* (*"j'avais l'impression de me jeter dans le vide"*) [8. P. 64]. Language mistakes represent a real danger because they generate contempt and humiliation on the part of teachers and classmates.

"A man's place", alienation between father and storyteller arises in adolescence as a *"class distance"* (*"une distance de classe"*) [8. P. 23], based primarily on the disruption of the communication process: *"I write, perhaps, because we had nothing else to say to each other"* (*"J'écris peut-être parce qu'on n'avait plus rien à se dire"*) [8. P. 84]. A. Ernaux shows that thanks to her inclusion in the system of bourgeois education, she begins to speak, think, and behave like her bourgeois environment. For her, the language of the ruling class becomes *"natural"*, and she rejects the language of her social environment. The distance between her and her father is formed by the *"alien"* words that are quoted in the text. For example, she calls her parents *"glorious people"* (*"de braves gens"*), as her husband will characterize them later. She reads *"real"* literature, while her father watches *"stupid"* films. In his only favorite book, *"Le Tour de la France par deux enfants"* (*"Journey through France of two children"*), and from bourgeois mentality, there are *"strange"* phrases about humility, diligence, mercy, determining the way of thinking and life of an ordinary man. The storyteller's father, on the contrary, considered them very *"real"* [8. P. 30].

Her father's fear of language mistakes and conscience of the insignificance of his memories is conveyed by the verb *"dare"* (*"oser"*): *"He did not dare to tell me stories from his childhood anymore. I never told him about my studies again"* (*"Il n'osait plus me raconter des histoires de son enfance"*) [8. P. 80]. His daughter's new *"place"* changes his behavior, and he involuntarily begins to behave with her with the same care with which he previously communicated with people in a higher position in society, namely, *"modestly straightening himself up before them without asking any questions"* (*"il avait une raideur timide, ne posant jamais aucune question"*) [8. P. 60]. Angry outbursts give way to humble silence.

The storyteller, in turn, enters the bourgeois world by humiliating her memory and forgetting her roots. She has to admit her childhood memories are *"insignificant"* (*"insignifiant"*), to agree that everything she loved was just a *"country bumpkin"* (*"péquenot"*). She *"cleared"* (*"épurer"*) the image of the parents of the characteristics inherent in their environment, making it more noble, attuned to bourgeois stereotypes. Over the years, however, the break with his father began to be perceived as a loss, marked by the metaphor of *"divorced love"* (*"un amour séparé"*), which expresses the idea of separating the two emotionally close entities by some external force.

It can be argued that the concept of *"humiliated memory"* (*"une mémoire humiliée"*) created by A. Ernaux in *"A man's place"* [8. P. 73] is the driving force behind her autobiographical writing. The oblivion of her origins and the taboo imposed upon the topic of public life in the bourgeois educational and cultural system (*"...I was forbidden to describe what I knew"* (*"si la description de ce que je*

connaissais ne m'avait pas été interdite") [8. P. 69]), is contrasted with "flat writing", through which it "accepts and bridges the cultural gap, imports into literature something crude, heavy, cruel, related to living conditions, to the language of the world that was entirely its pre-eighteen years old, to the world of workers and peasants" ("*J'assume et je dépasse la déchirure culturelle. J'importe dans la littérature quelque chose de dur, de lourd, de violent, lié aux conditions de vie, à la langue du monde qui a été complètement le mien jusqu'à 18 ans, un monde ouvrier et paysan*") [7. P. 56].

In A. Ernaux's discourse of memory, any reality, even the rudest one, is called by its name, and in the process of memory, any information pushed back to the bottom of memory is restored. The model for "flat writing" is, on the one hand, the language of its provincial environment, in which "they never took one word for another" ("*Et l'on n'y prenait jamais un mot pour un autre*") [8. P. 46]. On the other hand, she finds in anonymous passers-by encountered on the train station platform "signs of strength or humiliation" ("*des signes de force ou d'humiliation*") [8. P. 101], which characterized her father as a representative of a "dominated" social group. The writer introduces into the literature the harsh and rough realities of people's lives, the pictures of their poverty and humiliation, which cannot but cause concern to the reader, as they continue to exist in the modern world in the provinces and on the periphery of large cities.

The images of the parents, recreated in the work in all the nakedness of their wrong speech, poor life, unassuming tastes, are denoted by the biblical metaphor "glorious bodies" ("*des corps glorieux*"), which refers exclusively to the event of the Resurrection of Christ. Challenging the legitimate discourse, A. Ernaux reveals before the reader's critical and ruthless gaze "the inferior", i.e. the last degree of aesthetic "rejection, the point of negative reference" according to P. Bourdieu [11. P. 61]. Besides, in her autobiographical project, which crosses the boundaries of what is permitted and discovers collective truth, the challenge to public consciousness is inseparable from the idea of sacrifice, the sacrifice of one's relatives, their entire environment and oneself.

Conclusion

Thus, the novel "A man's place" by A. Ernaux's fits both into the modern literary tendency to return to its origins by creating a "roundabout" autobiography, in which the narrator takes a position of a witness, and into the realistic tradition of depicting the conditions of existence of the working class, which originates in Zola's novels but at a different semantic and aesthetic level. In this work, formal experimentation and attention to language are linked to an artistic understanding of topics that are traditionally the prerogative of sociology. The search for cause-effect links between the events of the father's life and his own, which are considered inextricably linked to the conditions of existence, determines the structural-logical and linguistic organization of the work, which is based on the opposition between the two social classes and the ways of life of French society: the world of the bourgeoisie and the world of ordinary people (peasants, workers and small merchants), that is, the "dominant ones and dominated ones" (dominants – dominés), according to P. Bourdieu. Far from a simple return to realism and traditional auto-

biography, A. Ernaux's auto-socio-biographical writing allows us to raise questions about the existence of ordinary people in the past and present without resorting to storytelling, psychological and social commentary and softening the realities of life with ironic or nostalgic discourse.

Список литературы

- [1] Алташина В.Д. Autofiction в современной французской литературе: легио из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 12–22.
- [2] Косова Ю.А. Альтернативная версия автобиографического письма в романах Жана Руо «Поля чести» и «Знаменитые люди»: монография. М.: РУДН, 2017. 164 с
- [3] Viart D. La littérature contemporaine et la question politique // Le roman français de l'extrême contemporain. Écritures, engagements, énonciation / B. Havercroft, P. Michelucci, P. Riendeau (dir.). Québec: Éditions Nota Bene, 2010. Pp. 105–123.
- [4] Tondeur C.-L., Ernaux A. Entretien avec Annie Ernaux // The French Review. 1995. Vol. 69. No. 1. Pp. 37–34.
- [5] Dugast-Portes F. Annie Ernaux: étude de l'œuvre. Paris: Bordas, 2008. 191 p.
- [6] Ernaux A. Une femme. Paris: Gallimard, 1987. 112 p.
- [7] Ernaux A. L'écriture comme un couteau. Entretiens avec Frédéric-Yves Jeannet. Paris: Éditions Stock, 2003. 156 p.
- [8] Ernaux A. La place. Paris: Gallimard, 1983. 128 p.
- [9] Ernaux A. Bourdieu: le chagrin // Le Monde. 2002. 5 février.
- [10] Landry J.-M. La violence symbolique chez Bourdieu // Aspects sociologiques. 2006. Vol. 13. No. 1. Pp. 85–92.
- [11] Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 675 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 января 2020

Дата принятия к печати: 15 января 2020

Для цитирования:

Косова Ю.А., Пономаренко Е.Б., Сиари Ж. Личное и социальное в автобиографическом письме Анни Эрно // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 111–130. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-111-130>

Сведения об авторах:

Косова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: uakossova@mail.ru

Пономаренко Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: ponomar_elena@mail.ru

Сиари Жерар, доктор филологических наук, профессор общей и сравнительной литературы, Университет Поля Валери, Монпелье III. E-mail: gerardsiary@gmail.com

References

- [1] Altashina, V.D. (2014). Autofiction in modern French literature: Lego from ego. *Izvestiya Juzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Bulletin of South Federal University. Philology sciences], (3), 12–22.
- [2] Kosova, J.A. (2017). *Alternativnaya versiya avtobiograficheskogo pisma v romanakh Zhana Ruo "Polya chesti" i "Znamenitye lyudi"* [Alternative version of autobiography writing in the novels by Jean Rouaud "Fields of Glory" and "Of illustrious men"]. Moscow: RUDN University Publ.
- [3] Viart, D. (2010). La littérature contemporaine et la question politique. In B. Havercroft, P. Michelucci, P. Riendeau (Dir.), *Le roman français de l'extrême contemporain. Écritures, engagements, énonciation* (pp. 105–123). Québec: Éditions Nota Bene.
- [4] Tondeur, C.-L., & Ernaux, A. (1995). Entretien avec Annie Ernaux. *The French Review*, 69(1), 37–34.
- [5] Dugast-Portes, F. (2008). *Annie Ernaux: étude de l'œuvre*. Paris: Bordas.
- [6] Ernaux, A. (1987). *Une femme*. Paris: Gallimard.
- [7] Ernaux, A. (2003). *L'écriture comme un couteau. Entretiens avec Frédéric-Yves Jeannet*. Paris: Éditions Stock.
- [8] Ernaux, A. (1983). *La place*. Paris: Gallimard.
- [9] Ernaux, A. (2002, 5 February). Bourdieu: le chagrin. *Le Monde*.
- [10] Landry, J.-M. (2006). La violence symbolique chez Bourdieu. *Aspects sociologiques*, 13(1), 85–92.
- [11] Bourdieu, P. (1979). *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit.

Article history:

Received: 2 January 2020

Revised: 10 January 2020

Accepted: 15 January 2020

For citation:

Kosova, Yu.A., Ponomarenko, E.B., & Siary, G. (2020). The individual and the social in Annie Ernaux's autobiographical writing. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 111–130. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-111-130>

Bio notes:

Yulia A. Kosova, PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: uakossova@mail.ru

Elena B. Ponomarenko, PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: ponomar_elena@mail.ru

Gérard Siary, Doctor of Philology, Professor of General and Comparative Literature of Department of Modern Literature, Paul Valéry University of Montpellier. E-mail: gerard-siary@gmail.com